

Фрэнк Герберт

Фрэнк Герберт

КАПИТУЛ

ДЮНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г37

Серия «Хроники Дюны»

Frank Herbert

CHAPTERHOUSE OF DUNE

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC
и литературных агентств Trident Media Group,
LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Фрэнк.

Г37

Капитул Дюны : [фантастический роман] / Фрэнк Герберт ; [пер. с англ. А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 576 с. — (Хроники Дюны).

ISBN 978-5-17-091923-9

Досточтимые Матроны уничтожили планету Ракис и почти полностью завоевали Старую Империю. Сестры ордена Бене Гессерит создают новую Дюну на планете Капитул и вырабатывают стратегию, которая позволит им отвоевать утраченные позиции. Однако противник намерен продолжать наступление и строит свои хитроумные планы...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Frank Herbert, 1985

© Перевод. А. Анваер, 2015

ISBN 978-5-17-091923-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Те, кто желает повторения прошлого, должны преподавать историю.

(Кодекс Бене Гессерит)

Когда первого младенца гхола доставили в Капитул из первой, принадлежавшей Ордену лаборатории, Верховная Мать Дарви Одраде приказала устроить по этому поводу скромное торжество в столовой, расположенной на крыше Центральной Башни. Было раннее утро, и два других члена Совета — Тамалейн и Беллонда — проявляли нетерпение, хотя завтрак был сервирован личным поваром Одраде.

— Не всякой женщине удастся праздновать появление на свет собственного отца, — шутливо заметила Одраде после того, как Тамалейн и Беллонда высказали свое недовольство: им не пристало тратить время на пустяки при их неимоверной занятости.

На шутку вяло отреагировала лишь пожилая Тамалейн. На ее лице появилась кривая усмешка.

Заплывшее жиром лицо Беллонды оставалось бесстрастным, что для этой женщины было равносильно злобной гримасе.

Разве возможно, мысленно удивилась Одраде, чтобы Белл так открыто выражала свое недовольство по поводу относительной роскоши апартаментов Верховной Матери? Конечно, покои несли на себе отпечаток власти, но это была необходимость, отражавшая многочисленные обязанности Верховной, а не возвышение над остальными Сестрами. Небольшая столовая позволяла во время еды обсуждать дела вместе с помощниками.

Беллонда демонстративно оглядывалась по сторонам, всем своим видом выражая желание поскорее уйти. Одраде так и не смогла, несмотря на все усилия, пробить брешь

в броне холодного отчуждения, которой окружила себя Беллонда.

— У меня было очень странное чувство, когда я держала младенца на руках и думала: *Это мой отец*, — заговорила Одраде.

— Ты уже говорила это, я слышала, — утробным голосом произнесла в ответ Беллонда. Казалось, каждое слово причиняет ей боль в животе.

Смысл неуклюжих шуток Одраде был, однако, совершенно ясен. Старый башар Майлс Тег действительно был отцом Одраде. Она лично собрала клетки погибшего военачальника (сделала соскоб с ногтей), чтобы вырастить этого нового гхола, эту часть «плана возможности», плана, который удастся воплотить в жизнь, если только им удастся воссоздать у себя лаборатории Тлейлаксу. Но Беллонда скорее согласилась бы быть уволенной, нежели поддержала шуточки Верховной относительно их последней соломинки.

— Я нахожу это крайне легкомысленным, — заявила Беллонда. — Эти безумные бабы готовы истребить нас, а ты затеваешь какое-то празднество!

Одраде стоило некоторых усилий сохранить благожелательный тон.

— Если Досточтимым Матронам удастся отыскать нас до того, как мы будем готовы к встрече с ними, то отчасти это произойдет из-за нашего низкого морального духа.

Беллонда молча уставилась в глаза Верховной Матери. Во взгляде — безмолвное обвинение: *Эти ужасные женщины уже уничтожили шестнадцать наших планет!*

Одраде могла бы возразить, что эти планеты, строго говоря, нельзя было считать собственностью Бене Гессерит. Рыхлая конфедерация планетарных правительств, образовавшаяся после Великого Голода и Рассеяния, конечно, сильно зависела от Бене Гессерит, но одновременно продолжали существовать и старые группировки — ОСПЧТ, Космическая Гильдия, Тлейлаксу, остатки священства Разделенного Бога и даже вспомогательные отряды Говорящих Рыб и клики раскольников. Разделенный Бог оставил в наследство человечеству разделенную империю; и теперь все эти интригующие клики и группы, оказавшись перед ли-

цом необузданных и страшных Досточтимых Матрон, были вынуждены искать союза. Бене Гессерит как организация, в наибольшей степени сохранившая свою исходную структуру, стала, естественно, первым объектом нападения.

Мысли Беллонды практически постоянно были заняты угрозой, исходящей от Досточтимых Матрон. Одраде знала об этой слабости. Иногда Одраде сомневалась, не стоит ли заменить Беллонду, но... клики и интриги поразили и Бене Гессерит, и никто не стал бы отрицать, что в этих условиях Беллонда, как никто другой, справлялась с руководством архивом.

Как это часто бывало, Беллонда, не говоря ни слова, сумела сосредоточить внимание Одраде на охотницах, которые со столь диким упорством преследовали Преподобных Матерей. Мысли эти испортили настроение тихого торжества, на которое сегодня утром так надеялась Верховная Мать.

Усилием воли она заставила себя думать о новом гхола. *Тег!* Если им удастся восстановить его исходную память, то Община Сестер снова получит в свое распоряжение самого лучшего башара, который когда-либо служил Бене Гессерит. Башар-ментат! Военный гений, чья доблесть уже стала легендой Старой Империи.

Но сможет ли даже Тег противостоять натиску женщин, вернувшихся из Рассеяния?

О боги, Досточтимые Матроны не должны найти нас! Не теперь!

Новый Тег являл собой непознанные возможности и неизвестность. Тайной была окружена и его смерть во время разрушения Дюны. *Тег сумел сделать на Гамму что-то такое, что возбудило необузданную ярость Досточтимых Матрон. Его самоубийственное поведение на Дюне само по себе не могло превратить Матрон в неистовых берсерков.* О том, что Тег делал на Гамму в последние дни перед прилетом на Дюну, можно было судить только по слухам и отрывочным сведениям. *Он приобрел способность двигаться с необычайно высокой скоростью. За ним невозможно было уследить взглядом!* Как он добился этого? Еще одно проявление диких способностей генов Атрейдесов? Мутация? Или это еще

один миф о Теге? Община должна выяснить это как можно скорее, время не ждет.

Послушница принесла завтрак, и Сестры торопливо принялись за еду, стараясь побыстрее прекратить это пустое времяпрепровождение ввиду грозящей опасности.

Сестры давно покинули столовую, но Одраде никак не могла отделаться от потрясения, вызванного безмолвным страхом Беллонды.

И моим страхом тоже.

Она поднялась и подошла к широкому окну, из которого открывался вид на крыши низких домов, сады и пастбища, окружавшие Центральную Башню. Начало лета, а на ветвях уже начали созревать плоды. *Возрождение. Сегодня родился новый Тег!* При этой мысли Одраде не испытала никакого душевного подъема. Обычно вид на город успокаивал ее, но сегодня спокойствия не было и в помине.

Какова моя реальная сила? Кто меня поддерживает?

Ресурсы Верховной Матери были поистине неисчерпаемыми: верность тех, кто служил ей, военная сила, руководимая башаром, — учеником Тега (он сейчас был далеко, охраняя планету-школу Лампадас), ремесленники и инженеры, шпионы и агенты, работающие во всех уголках Старой Империи, бесчисленные работники, с надеждой взиравшие на Преподобных Матерей как на единственную защиту от Досточтимых Матрон, и все Преподобные Матери, владеющие Чужой Памятью, восходящей к доисторическим временам.

Без ложной гордости Одраде могла признаться себе, что находится на пике формы Верховной Матери, ее могущества. Если ее собственной памяти не хватало, то она всегда могла прибегнуть к помощи других Сестер, чтобы восполнить пробел. Были и машинные хранилища информации, но Одраде, повинувшись какому-то врожденному чувству, не доверяла технике.

Одраде едва не поддавалась искушению погрузиться в море чужой вторичной памяти — в эти подземные пласты сознания. Может быть, там ей удастся найти блестящее решение. Нет, это чересчур опасно! Можно потерять себя, очаровавшись множеством возможных вариантов, — сколь-

ко людей, столько и мнений... И какие это люди! Нет, Чужую Память надо оставить в покое, пусть она ждет своего часа. К ней стоит обратиться только в случае крайней необходимости.

Ясное сознание — это точка опоры и основа самостоятельности.

Здесь Одрате очень помогла странная метафора ментата Дункана Айдахо.

Самосознание: это то же самое, что смотреться в зеркала, движущиеся сквозь Вселенную и вбирающие по пути все новые и новые изображения — бесконечная рефлексия. Бесконечное при таком взгляде представляется конечным. Вот прямой аналог сознания, которое по кусочкам собирает образ бесконечности.

Никогда еще Одрате так явственно не слышала слов в своем безмолвном сознании.

«Специализированная сложность, — называл это состояние Дункан Айдахо. — Мы собираем, складываем и отражаем наши системы в некий порядок».

Да, это было отражением взгляда Бене Гессерит на человека как на существо, призванное эволюцией творить порядок.

Но как такой взгляд может помочь нашей борьбе с женщинами, которые, не признавая никакого порядка, ополчились на нас? К какой ветви эволюции принадлежат они? Неужели эволюция — это только иное наименование Бога?

Как посмеялись бы над ней Сестры, узнай они о ее мыслях. Они назвали бы это «бесплодными спекуляциями».

Однако в Чужой Памяти можно найти ответ.

Ах, как соблазнительно!

Какое это было отчаянное желание: отбросить свое загнанное в ловушку сознание в далекое прошлое, ощутить всем существом жизнь в те далекие времена. От осознания опасности такой приманки холод пробежал по спине Одрате. Она явственно увидела столпившиеся на периферии сознания тени давно умерших людей. «*Это было так!*» «*Нет, скорее это было так!*» Как жадно стремятся они утвердить свое первенство. Остается только тщательно и осмотрительно выбрать то, что нужно. И разве это не цель созна-

ния, да и всей жизни вообще — выбрать из прошлого то, что нужно выбрать?

Выбирай дела прошлого и сопоставляй их с делами нынешними: изучай следствия.

Таков был взгляд Бене Гессерит на историю. Квинтэссенцией деятельности Ордена были слова Сантаяны, сказанные в незапамятные времена: «Тот, кто не помнит прошлого, обречен на его повторение».

Архитектура Централных зданий, самых внушительных из всех строений Бене Гессерит, служила воплощением этого принципа. Утилитарность — вот главная концепция. В рабочих центрах Ордена было мало нефункционального, вызывающего ностальгию. Археологи были не нужны Общине Сестер. Преподобные Матери сами были воплощением истории.

Постепенно (намного медленнее, чем обычно) вид, открывающийся из окна, возымел свое успокаивающее действие. Взгляду Одраде открывался вид нерушимого порядка Бене Гессерит.

Однако Досточтимые Матроны могут разрушить этот порядок в мгновение ока. Положение Общины Сестер было сейчас намного тяжелее, чем во времена правления Тирана. От безвыходности Одраде приходилось скрепя сердце принимать одиозные решения. Порядок рабочего кабинета не успокаивал, слишком страшными были вынужденные действия Верховной Матери.

Списывать ли наше Убежище Бене Гессерит на Пальме?

Такое предложение содержалось в докладе Беллонды, который с утра лежал на письменном столе Одраде. Сам вопрос заключал в себе ответ: «Да».

Списать, потому что нападение Досточтимых Матрон неминуемо, а мы не сможем ни защитить, ни эвакуировать Сестер.

Только тысяча Преподобных Матерей и Бог знали, сколько учениц, послушниц и других людей будут обречены на смерть или что-то худшее одним этим словом: *списать*. При этом не учитывались «простые души», жившие в тени под защитой Бене Гессерит.

Одраде почувствовала свинцовую усталость. Усталость духа? Но существует ли такая категория: душа? Одраде была утомлена, но не могла полностью осознать корни своего утомления. Она просто устала, устала, устала...

Признаки этой усталости были заметны даже в Беллонде, а ведь Белл буквально упивается силовыми решениями. Одна только Тамалейн сохраняла невозмутимое спокойствие, которое, впрочем, не могло обмануть Одраде. Там вступила в тот возраст, когда способность к бесстрастному наблюдению доминирует над остальными чувствами и способностями. Такими становятся все Сестры, если доживают. Превыше всего наблюдение и суждение. Чувства в лучшем случае отражаются мимолетными, едва заметными гримасами морщинистого лица. Ее комментарии на тему были настолько краткими, что порой выглядели просто нелепыми.

«Купить больше кораблей-невидимок».

«Снести с Шианой».

«Просмотреть записи Айдахо».

«Спросить Мурбеллу».

Иногда Тамалейн просто хмыкала, словно боялась, что слова смогут выдать ее.

Однако как бы то ни было, в космосе постоянно рыскали неумолимые охотники, страстно желавшие одного: найти и уничтожить Капитул Ордена Бене Гессерит.

Одраде часто чудилось, как Досточтимые Матроны, словно древние корсары, бороздят на своих кораблях-невидимках просторы бескрайних космических морей. Они рыскали по ним без черного флага с черепом и скрещенными костями, но дело было не в атрибутике. В этих пиратах не было ничего романтического. *Убийство и разбой! Строй свое благополучие на чужой крови. Иссушить силы своих жертв и продолжать путь по колее, обильно смазанной кровью.*

Матрон не заботило то, что, продолжая свой пагубный бег, они неминуемо захлебнутся пролитой ими кровью.

Должно быть, в Рассеянии господствовали яростные и ожесточенные люди, когда зародилось движение Досточтимых Матрон. То были люди, руководствующиеся только одной мыслью: «Взять их!»

Как опасен тот мир, в котором подобные идеи распространяются, не зная узды. В развитых цивилизациях власть заботится о том, чтобы такие идеи оставались бессильными или не зарождались вовсе. Если же такая идея зарождается по умыслу или случайно, ее надо немедленно давить, ибо она без труда овладевает сознанием черни.

Одраде не переставала удивляться тому, что Досточтимые Матроны не видят опасности, а если видят, то предпочитают ее игнорировать.

— Совершеннейшие истерички, — пожимая плечами, говорила Тамалеин.

— Это ксенофобия, — не соглашалась Беллонда. Она вообще вела себя так, словно заведование Архивом укрепляло ее понимание действительности.

Обе они правы, думала Одраде. Досточтимые Матроны действительно вели себя словно взбесившиеся, сорвавшиеся с цепи истерички. Врагами были все *чужаки*. Единственными людьми, которым доверяли, и то в известных пределах, Матроны, были мужчины, которых они брали в сексуальный плен. Этих мужчин постоянно тестировали (для этого, по словам Мурбеллы, существовала должность Соблазняющей Досточтимой Матроны), чтобы удостовериться, что хватка не ослабла.

— Иногда их убивают без всякой причины, просто в назидание другим. — Эти слова Мурбеллы сразу вызвали вопрос: *«Не хотят ли они уничтожить нас тоже в назидание другим? Смотрите, что бывает с теми, кто осмеливается выступить против нас!»*

Мурбелла ответила на этот вопрос:

— Вы возбудили их. Будучи же возбужденными, они не остановятся ни перед чем, пока не уничтожат вас.

Бей чужаков!

Узколобая целеустремленность. *Этой слабостью можно, при правильном поведении, воспользоваться*, подумала Одраде.

Ксенофобия, доведенная до абсурдной крайности?

Вполне возможно.

Одраде стукнула кулаком по столу, вполне сознавая, что это не укроется от глаз Сестер, которые наблюдали за каждым шагом и действием Верховной Матери, тщательно

регистрируя увиденное. Выждав, она громко, так, чтобы все соглядатаи услышали, произнесла:

— Мы не будем отсиживаться в крепостях! Мы и так ожирели, как Беллонда (пусть она сдохнет от злости!), воображая, что создали неприкосновенное общество и его вечную структуру.

Одраде обвела взглядом знакомый до мелочей кабинет.

— В этом заключается наша слабость!

Она уселась за стол и принялась обдумывать (словно не было вещи важнее!) архитектуру и планировку поселений. Да, это прерогатива Верховной Матери!

Поселения Общины Сестер редко росли стихийно. Даже когда Ордену доставались готовые постройки (как это было, например, с владениями Харконненов на Гамму), Сестры немедленно приступали к реконструкции. Нужна была пневматическая почта для пересылки сообщений и бандеролей. Нужны были световоды и проекторы для передачи шифрованных сообщений. Сестры вообще считали себя непревзойденными мастерами в передаче секретной информации. Самые важные сообщения такого рода передавали курьеры-послушницы и Преподобные Матери, которые были готовы скорее умереть, чем предать своих руководителей.

Своим внутренним взором Одраде видела все эту великолепную организацию здесь и на других планетах — ее сеть, ее паутина, великолепно организованная, спланированная и укомплектованная надежными кадрами. Каждый член Бене Гессерит был продолжением другого. Когда дело касалось выживания Ордена, практически все Сестры проявляли чудеса верности и самопожертвования. Бывали и отступницы, например леди Джессика, бабка Тирана, но их отступничество было не слишком сильным. Отступления заблудших были временными и преходящими.

Таково было устройство Бене Гессерит. И в нем заключалась его главная слабость.

Одраде чувствовала, что в глубине души разделяет страхи Беллонды. *Но будь я проклята, если позволю им подавить всю радость бытия!* Это будет как раз то, чего так неистово добиваются эти преступные Досточтимые Матроны.

— Охотники хотят отнять у нас силу, — произнесла Одраде, глядя в глазок видеокамеры на потолке. *Подобно древним дикарям, они хотят съесть сердце врага. Ну... ну что ж, мы дадим им кое-что съесть! Будет слишком поздно, когда они поймут, что не могут переварить это лакомство!*

Преподобные Матери в редких случаях, если не считать уроков для послушниц и учениц, использовали в своей речи нравоучения и иносказания. Но на этот раз Одраде отклонилась от обычного правила.

Кто-то должен начать пахоту. Она улыбнулась, работа действовала на нее освежающе. Этот кабинет, Община Сестер — вот ее сад, который надо возделывать, здесь плевелы, которые надо выдернуть, здесь семена, которые надо сеять. *И удобрения, никогда не следует забывать об удобрениях.*

Когда я поставил себе задачу повести людей по Золотому Пути, то поклялся, что этот урок проникнет до мозга их костей. Я знаю сущность людей, которую они отрицают на словах, но подтверждают своими поступками. Они утверждают, что ищут спокойствия и надежности, того, что они именуют миром. Но, даже произнося эти слова, они не перестают сеять семена раздора и насилия.

(Лето II, Бог-Император)

Она называет меня Паучьей Королевой!

Великая Досточтимая Матрона откинулась на спинку стоявшего на высоком помосте тяжелого трона. Ее высокая грудь затряслась от беззвучного смеха. *Она хорошо знает, что с ней станет, попади она в мои руки. Я выпью всю ее кровь, превращу в мумию, вот что я сделаю.*

Миниатюрная женщина с непримечательным лицом, искажившимся от подергивания мимических мышц, Великая Матрона наклонилась вперед и взглянула на залитый солнечным светом пол Аудиенц-зала, выложенный желтой плиткой. На этом полу, распростершись, лежала Преподобная Мать Бене Гессерит, связанная проволокой из шиги. Пленница не делала никаких попыток освободиться от пут. Проволока из шиги — великолепное средство усмирения непокорных. *Она отрежет ей руку, если только ведьма шевельнется!*

Зал, в котором сидела на троне Великая Досточтимая Матрона, импонировал ей по двум причинам: во-первых, он был велик, а во-вторых, был силой отнят у других. Зал площадью триста квадратных метров первоначально предназначался для собраний Гильд-навигаторов, причем каждый навигатор прибывал сюда, на Джанкшн, в огромной железной машине. Пленница на полу казалась пылинкой, затерянной в огромном поле.

Эта слабачка и так получила много удовольствия от того, что слышала, как ее так называемая Верховная Мать называла меня!

Но сегодняшнее утро было все же прекрасным, несмотря ни на что, подумала Великая Досточтимая Матрона. Настроение портилось только от того, что с этой ведьмой